

Николас К. Гвосдев

«Восточный вопрос» НАТО: взгляд из Вашингтона

Согласно решениям, принятым в ноябре 2002 г. на Пражской встрече в верхах, приглашение вступить в члены Североатлантического союза (НАТО) получили семь стран – Эстония, Латвия, Литва, Словения, Словакия, Болгария и Румыния, шесть из которых в свое время входили в состав Варшавского договора или были республиками СССР. НАТО находится на пути к превращению в панъевропейскую организацию коллективной безопасности, хотя Америка сохраняет в этой структуре и свое членство, и свою руководящую роль. Это окажет огромное влияние как на будущее самого союза, так и на его взаимоотношения с Россией.

Идентитету НАТО всегда была присуща некая шизоидность. С одной стороны, конкретная цель его создания состояла в том, чтобы предотвратить (и отразить) советское вторжение в Западную Европу. НАТО являлось оборонительным союзом, противостоявшим одному конкретному государству – Советскому Союзу, а также его союзникам. Однако за личиной оборонительного щита в виде военного союза в НАТО постепенно стали видеть и нечто большее, нежели просто группу государств, ищущих защиту от общего врага. НАТО облегчило создание концепции «евроатлантического сообщества» – группы стран, разделяющих общие политические ценности и объединенных общими экономическими интересами. Следуя логике этой концепции, Уинстон Черчилль еще в 1956 г. смог предвидеть будущее, когда Россия, возможно, станет членом НАТО и примет участие в обеспечении дела мира, стабильности и процветания в Европе.

В отличие от первого этапа расширения НАТО, который вызвал оживленные дискуссии о целях альянса, сегодня почти каждый из бывших оппонентов согласился или смирился с

неизбежностью второго, еще более радикального, расширения союза. Тем не менее, почти полное отсутствие публичной дискуссии (хотя между администрацией Буша и другими союзниками НАТО и ведутся закулисные конфиденциальные переговоры с участием стран-соискательниц) может быть тревожным признаком, указывающим на то, что ни у Вашингтона, ни у его основных европейских партнеров нет серьезной политической воли заняться обсуждением главных экзистенциальных вопросов, стоящих перед альянсом. В 1999 г. большинство европейских государств не было готово свершить «концептуальный скачок» (который сопровождался бы соответствующими инвестициями) и признать, что НАТО, успешно предотвратив крупные военные конфликты в Европе, должно теперь проявлять большую активность в разрешении кризисных ситуаций за пределами Европы – кризисов, могущих угрожать миру и стабильности в евроатлантическом сообществе. В Праге на сей счет были даны определенные обещания; но нам еще предстоит на деле убедиться, действительно ли европейцы готовы выделить средства и ресурсы, необходимые для того, чтобы их силы быстрого реагирования стали реальностью.

НАТО, структурно ориентированное на предотвращение крупномасштабного вторжения в Европу с территории России, – это не тот альянс, который был бы готов иметь дело с угрозами, исходящими от организованной преступности или терроризма, гнездящихся на пространстве «несостоявшихся» государств на евразийской периферии. НАТО, скорее всего, не будет играть никакой роли в приближающейся войне между Ираком и Соединенными Штатами. Едва ли НАТО сможет сыграть и сколь-нибудь ключевую роль в стабилизации ситуации в Восточном Средиземноморье, обеспечив должные гарантии безопасности, необходимые для проведения в жизнь мирных договоренностей по Кипру или Израилю.

Поэтому европейцам следует осознать, что готовность Вашингтона вкладывать в НАТО свои финансовые и людские ресурсы ныне ослабела, поскольку смысл существования альянса, как представляется, состоит лишь в том, чтобы побудить Соединенные Штаты и далее выступать в качестве миротворца и защитника Европы. Пока задачи НАТО остаются столь ограниченными, у США будет возникать все больше оснований для того, чтобы ограничиться простым укреплением двусторонних связей с отдельными государ-

ствами, могущими и желающими вступить с Вашингтоном в «коалицию добровольцев» для решения той или иной конкретной проблемы. Поскольку НАТО продолжает эволюционировать в сторону превращения в более расплывчатое сообщество государств, занятое сохранением мира в континентальной Европе и служащее для США неким взаимоорганизованным «резервом» союзников, могущих присоединиться к ним для выполнения отдельных задач за пределами Европы, оно перестает быть для Америки главным партнером в вопросах безопасности и становится «первым среди равных» в ряду возможных партнерств, включая новое партнерство с Россией в области безопасности. Джозеф Джофф отмечает, что это «...представляет собой очень важную, но все еще недостаточно оцененную перемену в межатлантических отношениях [...] Союзы, заключенные Америкой в годы „холодной войны“ [...] были когда-то единственной осью американской общей стратегии. Они все еще играют важную роль, но уже в рамках „многоазимутной системы“. Россия, некогда бывшая единственным оправданием для существования союзов, заключенных Америкой во времена „холодной войны“, стала теперь самой новой спицей в колесе глобальной политики Америки»¹.

Это представляет собой феномен огромной важности, значение которого еще предстоит оценить по достоинству новым членам НАТО. НАТО теперь воспринимается Вашингтоном не как «пакт», направленный на отражение угрозы с востока, а как «набор инструментов», обеспечивающих взаимную безопасность – и те инструменты, которые на деле подтвердят свою максимальную полезность, получают львиную долю внимания со стороны Соединенных Штатов. Неудивительно, что этот урок, по-видимому, уже хорошо усвоен рядом кандидатов в члены НАТО, которые быстро перешли к сотрудничеству с США в вопросах, представляющих взаимный интерес. (Например, воинский контингент, направленный в Афганистан Румынией, по численности превосходит некоторые контингенты, посланные туда странами, уже входящими в НАТО.) Филип Гордон делает по этому поводу следующий вывод: «Как военная машина, сконструированная для защиты границ альянса от сухопутного вражеского наступления извне, альянс,

¹ J. Joffe, *Of Hubs, Spokes and Public Goods* // "The National Interest", Fall 2002, p. 18.

может быть, уже „умер” или умирает», но пока что «нет никакой мыслимой альтернативы военному или любому иному потенциалу, который союзники Америки по НАТО способны обеспечить»². Статус как старых, так и новых членов альянса будет зависеть от того, насколько они окажутся в состоянии обеспечить военный, технический или дипломатический потенциал, могущий содействовать политике США в различных частях света.

Так как НАТО - всего лишь один из имеющихся «наборов инструментов», причем роль, которую оно сможет играть в деле нейтрализации угроз безопасности, исходящих из глубинных регионов Азии, в лучшем случае будет весьма скромной, Соединенные Штаты постараются свести к минимуму любые потенциальные конфликты между членами НАТО и Россией, по планам Вашингтона призванной к исполнению все более важной роли в обеспечении безопасности на мировой арене. Кое-кто в Вашингтоне в частных беседах уже заявляет, что Статья 5 Договора по НАТО (положение о взаимной обороне) в настоящее время по большей части имеет чисто символическое значение. В самом деле, в новую эпоху, когда главную опасность представляет собой терроризм, утверждение о том, что «любой акт терроризма или угрозы поставкам энергоресурсов должны расцениваться как ситуация, подпадающая под действие Статьи 5, согласно которой все союзники обязаны обеспечить участие своих вооруженных сил», звучит проблематично³. Но это же, тем не менее, означает, что Соединенные Штаты будут все больше и больше препятствовать возникновению рискованных ситуаций. Иными словами, США не хотят, чтобы новые члены НАТО использовали Статью 5 как элемент нажима в своих отношениях с другими государствами, не входящими в НАТО, особенно с Россией. И уж совершенно определенно Соединенные Штаты не желают, чтобы пограничные с Россией государства-члены НАТО использовали этот союз как козырь в своих двусторонних отношениях с Москвой. Показательно, что накануне Пражской встречи в верхах в Петербурге состоялась конференция под названием «Продвижение успешного партнерства по обеспечению демократии и безопасности в регионе

² P. Gordon, *Reforging the Atlantic Alliance* // "The National Interest", Fall 2002, p. 94.

³ Там же. - С. 95.

Балтийского моря: повестка дня на будущее». В официальных пресс-релизах НАТО, посвященных этому событию, подчеркивалась насущная «необходимость обратить внимание на отсутствие конструктивного диалога между Россией и Балтией – ситуацию, несовместимую с позитивной динамикой отношений, сложившихся у НАТО как с Россией, так и с балтийскими государствами»⁴. Американский посол в России Александр Вершбоу также не оставил сомнений на тот счет, что Соединенные Штаты в особенности больше не расположены «делать выбор» между НАТО и Россией: «Каждая из сторон равноценна другой. Ни одной из сторон не оказывается предпочтения в ущерб другой. Каждая из них по-своему критически важна. Говоря более конкретно, это значит, что расширение НАТО не следует трактовать как противоречащее или наносящее ущерб новым отношениям между НАТО и Россией»⁵. Вашингтон подчеркнул, что по мере сближения с альянсом как Соединенных Штатов, так и России американские союзники превращаются и в союзников России. Те из членов НАТО и стран-кандидатов, которые испытывают неловкость от такой формулировки, не встретят сочувствия в Вашингтоне. Эдриан Северин четко отметил этот момент в своей статье, опубликованной в румынской газете „Ziua” (10.12.2002 г.): «Обращение президента Буша [на Пражской встрече в верхах] включало в себя и предостережение. Румыния [равно как и любой другой бывший участник Варшавского Пакта (ред.)] не должна рассматривать свое вступление в НАТО как шанс на историческое возмездие. Она должна рассматривать его как шанс на принятие ею исторической ответственности. Иными словами, как только ее признают членом семьи западных демократий, Румынии придется навсегда отречься от соблазна свести счеты с соседями, в прошлом обращавшимися с ней не по справедливости».

Откровенно говоря, некоторые из приглашенных в альянс государств рассчитывали вступить совсем не в такое НАТО. Они надеялись, что между их хрупкими суверенитетами и соседним российским колоссом будет возведен надежный рубеж, но выяснилось, что Вашингтон, Лондон, Париж и

⁴ *Promoting Russia-Baltic Dialogue* // “NATO Update”, November 8, 2002.

⁵ A. Vershbow, *Remarks at the Seminar on ‘NATO, Russia, and the EU,’* at the Russian Socio-Political Center (September 26, 2002) at <http://usembassy.state.gov/moscow/wwwhop10.html>.

Берлин едины в своем стремлении не исключать Россию из общеевропейского экономического порядка или общеевропейской системы безопасности и готовы размыть рубежи между «Западом» и Россией. Кое-кто из приглашенных мог интерпретировать сигналы, исходящие из Вашингтона, как предупреждение новым членам «контролировать свое поведение в отношении с Россией» согласно формулировке, предложенной Эдрианом Северином. Другие пришли к выводу, что Соединенные Штаты могут оказать нажим на новых членов НАТО, чтобы заставить их полностью или частично пересмотреть свою политику, вызывающую гнев России, и что в будущем двусторонние отношения с Москвой будут более важны для Соединенных Штатов, чем многосторонние отношения в рамках НАТО.

Вашингтон, разумеется, не согласен с такой оценкой. США убеждены, что у России и НАТО существуют общие интересы в деле обеспечения безопасности, которые требуют усиления взаимного сотрудничества. Администрация Буша уверена: между Россией и Западом возникли совершенно новые отношения и миновало то время, когда существовала опасность, что Россия попытается силовым путем восторжествовать над своими западными соседями, тогда как сами эти соседи уже считают Россию «ассоциированным» членом евро-атлантического сообщества. Администрация Буша полагает, что прагматизм, присущий путинскому руководству, подвигнет оное к разрешению всех сколь-нибудь существенных разногласий с ближайшими соседями России, и ссылается на двустороннее соглашение между Россией и Румынией, призванное создать «современные взаимоотношения» между двумя сторонами, которое должно быть подписано в начале 2003 г. В свою очередь, Сергей Ястржембский отметил, что Балтийскому региону надо дать возможность почувствовать себя в безопасности; ему нужен «зонтик» для защиты от исторических страхов, глубоко укоренившихся в умах балтийских народов. Если присоединение к НАТО поможет им стряхнуть с себя эти стереотипы и приведет к возникновению более конструктивного подхода к России, это можно только приветствовать⁶.

Тогда возникает еще один важный вопрос: в каких масштабах должна осуществляться идущая ныне интеграция России в структуры безопасности Западного союза? Клаус-Дитер Фран-

⁶ "Mlada Fronta Dnes", 21. Listopad 2002, str. A7.

кенбергер, автор статей в „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, разделяет точку зрения многих европейцев, когда заявляет, что новый Совет Россия - НАТО (учрежденный на встрече в верхах в Риме), если ему дадут возможность функционировать согласно утвержденным планам, создаст для России роль, которую она сможет сыграть «в ключевых институтах Атлантического сообщества», что де-факто будет означать, что «Россия теперь является членом альянса, получит ли она право вето или нет». Фактически американцы уже вполне положительно оценили работу нового российско-натовского органа. Роберт Ленгволд, например, отмечает: «Совет Россия - НАТО за первые полгода своего существования уже добился гораздо более конструктивных результатов, чем Постоянный объединенный комитет. Он всерьез занялся оценкой террористических угроз, планированием контроля над воздушно-космическим пространством, вопросом проведения совместных учений, обсуждением проблем контроля над кризисными ситуациями, вопросами противоракетной обороны в масштабах всего театра и координированием усилий по максимальной охране ядерных материалов (как было продемонстрировано американо-российским сотрудничеством в ходе извлечения более 100 фунтов обогащенного урана из реактора сербской атомной станции в Винке и его последующей эвакуации, имевшей место в прошлом августе)»⁷.

Тем не менее, Совет Россия - НАТО – это всего лишь промежуточная фаза. Финальным шагом должно стать либо рассмотрение кандидатуры России на членство в НАТО, либо же принятие альянсом четкого решения провести границу Европы по южному побережью Балтики и западному побережью Черного моря с тем, чтобы относиться к России – и к остальной части постсоветского политического пространства – как к отдельному театру безопасности⁸. В последнем случае новые члены альянса будут играть роль важных «узлов», обозначающих границу между «Евроатлантической» и «Евразийской» зонами. Поскольку еще не ясно, в каком направле-

⁷ R. Legvold, *All the Way: Crafting a U.S.-Russian Alliance* // “The National Interest”, Winter 2002/03, p. 24.

⁸ См., например, статью бывшего министра иностранных дел Франции Юбера Ведрена (Hubert Vedrine), опубликованную в газете “Le Monde”, 06.12.2002 г., в которой высказывается мнение, что «Европа» состоит из Западной Европы, Южной Европы, Скандинавской Европы, а теперь еще и из Восточной, Центральной, Юго-Восточной и Балканской Европы.

нии будут развиваться отношения в треугольнике «США - Европа - Россия», ход событий трудно предсказуем. Тем не менее, российские официальные лица продолжают сохранять оптимизм и надеются, что в наступившем году трехсторонняя американско-европейско-российская система начнет приобретать четкие очертания.

В частных беседах официальные лица из Вашингтона признают маловероятность того, что Россия когда-нибудь станет признанным членом НАТО уже по той причине, что Российская Федерация представляет собой континентальную евразийскую державу. Ими в открытую говорится, что принятие России в НАТО расширило бы границы альянса до степей Евразии и берегов Тихого океана, если только НАТО не примет сознательное решение - как оно сделало в случае с Соединенными Штатами - географически ограничить сферу действия альянса западными европейскими регионами России. Менее гласно теми же кругами признается, что официальное членство России в НАТО будет трудно совместить с продолжением американского руководства этим альянсом. Поскольку НАТО является основным механизмом, связывающим Соединенные Штаты с Европой, более вероятно, что Россия вступит в какую-либо «ассоциацию» с НАТО и будет участвовать в совместных с альянсом операциях, а не превратится в полноправного его члена. Учитывая, что Россия будет напрямую сотрудничать с США в вопросах безопасности, лишь опосредованно затрагивающих НАТО, к каковым, например, относятся безопасность в Центральной Азии, контакты с Китаем, переговоры о статусе Кореи или урегулирование индо-пакистанского конфликта, также в интересах России сохранить за собой известную геополитическую свободу действий и остаться вне альянса.

Вашингтон надеется, что расширение НАТО до западных рубежей России также поможет стабилизировать отношения между Москвой и государствами Восточной Европы. Многие американцы хотели бы верить, что официальное членство этих стран в НАТО, подразумевающее постоянное членство в клубе под названием «Запад», даст им возможность почувствовать себя «в достаточной безопасности, чтобы протянуть руку Москве и установить с ней более позитивные отношения», а это, в свой черед, будет способствовать укреплению «стабиль-

ности и безопасности в данной части Европы»⁹. Многие указывают на недавнее сближение между Москвой и Варшавой, видя в нем пример того, что можно будет достигнуть во всем этом регионе, как только он интегрируется в НАТО. Вашингтон также шлет конфиденциальные сигналы Москве, сообщая ей о своем согласии с тем, что одной из задач, стоящих перед НАТО, является обеспечение стабильности вдоль западных рубежей России, к чему, в частности, относится улаживание потенциальных конфликтов на Балканах и в Центральной Европе, которые могли бы негативно отразиться на российских интересах. Иными словами, торговля России с Западом и ее коммуникации, туда ведущие, будут надежно защищены и обеспечены под охраной НАТО, а не заблокированы или поставлены под угрозу. (Нет нужды и говорить, что Вашингтон не останется безразличен к любым попыткам со стороны новых членов НАТО поставить под вопрос эти связи с целью вынудить Россию пойти на дальнейшие уступки.) Перед своим отъездом в Санкт-Петербург после окончания Пражской встречи в верхах президент Буш заявил: «Я скажу своему другу Владимиру Путину и российскому народу, что и они тоже выиграют от безопасности и стабильности государств, расположенных к западу от России».

Разумеется, Вашингтон надеется на то, что усиление торговых связей и контактов в сфере безопасности между Россией и ее ближайшими соседями сможет создать долговременную и прочную систему, которая сделает маловероятным любые поползновения со стороны России вернуться к политике вражды с Западом. Неудивительно, что нарождающееся деловое сообщество России, по-видимому, сделало для себя такие же выводы. Исходя из соображения, что «прибыльные сделки ведут к крепкой дружбе», Россия рассчитывает опутать регион сетью коммерческих связей, благодаря чему в западноевропейских столицах возникнут промосковские лобби, а это в свою очередь поможет усилить влияние России в евроатлантическом сообществе. Фактически один из факторов, которые НАТО следует принимать в расчет, – это «постепенное возрождение российских интересов, особенно в странах Балтии, в Болгарии, Словакии и Чехии»¹⁰.

⁹ D. Trenin, *The Silence of the Bear* // "NATO Review", Spring 2002, at <http://www.nato.int/docu/review/2002/issue1/art3.html>.

¹⁰ C. Gati, *All that NATO Can Be* // "The National Interest", Summer 2002, p. 86.

Эта тенденция наиболее четко прослеживается в энергетическом секторе. В январе 2002 г. российская нефтяная компания «ЮКОС» скупила 49% акций словацкой фирмы «Транспетрол», чтобы превратить ее в канал для экспорта нефти в Западную Европу и на Балканы. Российский «ЛУКойл» контролирует нефтеперерабатывающий завод «Нефтохим» в Бургасе (Болгария), а также нефтеперерабатывающий завод «Петротел» в Плоешти (Румыния) и заинтересован в дальнейшем приобретении нефтехимических активов в других странах бывшего советского блока, в том числе в Болгарии, Чехии и Венгрии. «ЛУКойл», кроме того, установил связи с греческой финансово-промышленной группой «Лацис» с целью приобрести активы в Греции и Югославии. Одна из греческих газет откликнулась на происходящее словами о том, что русские «демонстрируют потенциал, способный полностью подчинить им периферийный балканский рынок. Впервые за многие годы российская сторона осуществляет в регионе столь динамичные инвестиции, особенно в таком чувствительном секторе, как энергетический, который влияет на всю экономику в целом и с точки зрения достаточности поставок, и с точки зрения цен»¹¹. Более того, интересы российских конгломератов не ограничиваются одной нефтью. «ЛУКойл», например, «положил глаз» на химическую и телекоммуникационную промышленность стран юго-восточной Европы. Создаются и финансовые связи. Как «Объединенный банк Болгарии», так и румынский банк «Унирея» тесно связаны с российскими коммерческими структурами.

Все это усиливает коммерческую и экономическую интеграцию России в Европу. В настоящее время крупнейший торговый партнер России – Европейский Союз; на долю Европы приходится 34% ее внешней торговли. Россия стоит на пятом месте в мире по объему экспорта товаров в ЕС, а сама занимает шестое место среди стран, импортирующих его продукцию. Стремление России получить доступ к рынкам и капиталам способствует укреплению европейской стабильности. Оно служит безошибочным сигналом о желании России связать свою судьбу с Западом, поставив собственные национальные интересы в зависимость от сохранения безопасности и процветания Европы.

¹¹ Цитируется в статье: N.K. Gvosdev, *Guns, Gas and Oil: Russia's Ruble Diplomacy in the Balkans* // "Strategic Regional Report", May 2002, p. 1.

В свою очередь, это ведет к усилению «пророссийских» голосов, звучащих в европейских столицах. Особенно нерасположены делать бесповоротный выбор между Москвой и Вашингтоном балканские страны. «Интеграция Болгарии в Европу не представляет собой альтернативу хорошим отношениям с Россией. Новая система европейской безопасности не может не включать в себя Россию, как не может и быть направлена против нее», – заявил президент Болгарии Георги Пурванов, а министр иностранных дел Болгарии Соломон Пасси отметил, что «Россия будет счастлива иметь среди членов НАТО такого друга, как Болгария».

В свете такого развития ситуации можно ожидать, что Россия будет играть более заметную роль в деле создания европейского оборонительного потенциала. Ныне формирующиеся в рамках НАТО европейские силы быстрого реагирования не имеют аэротранспортного обеспечения, которое могло бы предоставляться Россией по какой-либо программе совместного сотрудничества (в настоящее время для переброски в Афганистан военнослужащих и техники ряд европейских стран арендует самолеты у Украины). Россия также играет важную роль в осуществлении модернизации вооружения и техники российских образцов, используемых странами, входящими в НАТО, и кандидатами в его члены. Среди тех, кто предвидит усиление роли России в деле обеспечения общеевропейской безопасности, – министр обороны Греции Яннос Папантониу, заявивший следующее: «Мы будем поддерживать развитие отношений между Россией и ЕС, причем не в последнюю очередь и в области вооружений», включая участие России в создании общеевропейской системы противоракетной обороны. При этом Папантониу сигнализировал и о греческой поддержке планов расширения роли России в процессе принятия решений на уровне НАТО. Ответ со стороны российского заместителя министра иностранных дел Алексея Мешкова был вполне положительным. В нем отмечалось, что Россия уже выступила с предложениями по вопросам координации ее связей с ЕС в сфере внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности.

По мере того как незаменимость России для благополучия Европы будет расти, Соединенным Штатам будет все труднее отказывать России в предоставлении ей статуса равноправного (пусть и ассоциированного) партнера евроатлантического альянса. Учитывая то, каким образом структурирован Совет

Россия – НАТО, – подразумевается, что никакая «единая» точка зрения НАТО не вправе быть озвучена до тех пор, пока в ее обсуждении не примет участие российский представитель, – Россия вполне может обнаружить, что по множеству вопросов ей обеспечена поддержка со стороны других членов НАТО. Поскольку деятельность нового совета основана на принципах общего согласия и пестовании «традиции консультаций» и «культуры сотрудничества», лежащих в основе и самого НАТО, его существование уменьшает возможность того, что Россия решит, что альянс диктует ей какие-либо условия; фактически наличие Совета открывает перед Россией возможность влиять на политику, проводимую альянсом.

Разумеется, прогнозируя будущее развитие отношений между НАТО и Россией, мы не должны впасть в заблуждение, сочтя «НАТО» неким монолитом. Джеймс Керс разработал великолепную типологию, подразделенную на три «формы и степени интеграции», которая характеризует данный альянс: «верхнее НАТО» – страны, располагающие значительными возможностями и значительными вооруженными силами, интегрированными с вооруженными силами США, размещенными на их территории; «нижнее НАТО» – страны, пользующиеся односторонними гарантиями, предоставленными им Соединенными Штатами: уровень фактической интегрированности их вооруженных сил невысок; «псевдоНАТО» – страны, образующие «рыхлую» коалицию, группирующуюся вокруг США как державы, являющейся руководителем коалиции¹². Создание Совета Россия – НАТО по существу ввело Россию в состав псевдоНАТО, хотя и без гарантий оборонного характера со стороны Соединенных Штатов и без права на полное участие в принятии решений в рамках НАТО. Россия также налаживает прекрасные двусторонние отношения с целым рядом государств-членов НАТО. Однако процесс этот происходит в то же самое время, когда другие члены НАТО продолжают во всем полагаться на альянс, и в особенности – на Соединенные Штаты, когда речь заходит о получении абсолютных, подкрепленных военной силой гарантий их территориальной целостности перед лицом возможной российской агрессии, направленной против их суверенитета. Учитывая этот факт, становится понятным, почему Керс приходит к заключению, что расширение НАТО «вплоть до самых гра-

¹² J. Kurth, *The Next NATO* // “The National Interest”, Fall 2001.

ниц» России «создаст для Соединенных Штатов стратегическую и дипломатическую проблему небывалой сложности»¹³.

Проблема эта, однако, преодолима. Как заявил президент Буш, «Россия не нуждается в буферной защитной зоне; ей нужны миролюбивые и процветающие соседи, которые были бы вместе с тем ее друзьями». В настоящее время Соединенные Штаты все активнее занимаются тем, чтобы своих друзей сделать друзьями России – и стать гарантом этой дружбы. Данная задача облегчается тем, что президент Путин уверен в том, что добрососедские и устойчивые отношения с Западом создают устойчивые и предсказуемые внешние условия, благоприятные для общественно-экономического развития России. Реалистическая и прагматичная политика, проводимая Россией, Соединенными Штатами, а также новыми членами НАТО, могла бы заложить основу для возникновения позитивных отношений, которые пойдут на пользу всем заинтересованным сторонам.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)

¹³ Там же. – С. 16.